УДК 347.61

DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-2-56-66

Отношения по фактическому воспитанию ребенка: историко-правовой экскурс (советский период)

Е. Г. Комиссарова^{1,2}, Н. В. Горина¹

¹ Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

² Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия

Аннотация

Авторы проводят историко-правовое исследование тех законодательных идей, которые стали основанием для введения отношений по фактическому воспитанию несовершеннолетнего в сферу семейно-правового регулирования. С использованием исторической методологии анализируются правовые памятники советской эпохи – КЗАГС РСФСР 1918, КЗобСО 1926, КЗобС РСФСР 1969 г. В контексте политического и социально-экономического развития общества этого исторического периода исследуются законодательные мотивы, послужившие поводом для введения отношений фактического воспитателя и воспитанника в сферу алиментирования лиц, относящихся к иным членам семьи. Анализируя конкретную историческую, социальную и научно-правовую реальность, в которой существовало явление фактического воспитания, авторы познают логику юридического мышления законодателя, задавшего отношениям по воспитанию ребенка, не имеющим явно-го юридического основания, собственное правовое наименование в виде обозначения его через конструкцию фактического воспитания и причислившего его к воспитанию семейному.

Ключевые слова

фактический воспитатель, фактический воспитанник, алиментные обязанности, члены семьи, семейное воспитание

Для цитирования

Комиссарова Е. Г., Горина Н. В. Отношения по фактическому воспитанию ребенка: историко-правовой экскурс (советский период) // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 2. С. 56–66. DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-2-56-66

Relation on the Actual Upbringing of Child: Historical and Legal Excursion (Soviet Period)

E. G. Komissarova^{1,2}, N. V. Gorina¹

¹ Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation

² Perm State National Research University
Perm, Russian Federation

Abstract

The current article deals with historical and legal study of those legislative ideas that became the basis for introducing relations on the actual upbringing of a minor through the sphere of family law regulation. Using historical methodology, legal monuments of Soviet period – RSFSR KZAGS of 1918, CoMF of RSFSR of 1926, and RSFSR CoMF of 1969 are analyzed. In the context of the political and socio-economic development of society in this historical period, the author examines the legislative motives that led to the introduction of the relationship between the actual teacher and the pupil in the sphere of alimony for persons belonging to other family members. Analyzing specific historical, social, scientific and legal reality which there was a actual phenomenon of education in, the authors know the logic

© Е. Г. Комиссарова, Н. В. Горина, 2020

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 2
Juridical Science and Practice, 2020, vol. 16, no. 2

of legal thinking of the legislator who asked for the relationship of child-rearing, do not have an explicit legal basis, legal name in the form refer to it through the design of the actual education and as to the education of his family.

Keywords

actual mentor, actual pupil, alimony obligations, family members, family education

For citation

Комиссарова Е. Г., Горина Н. В. Relation on the Actual Upbringing of Child: Historical and Legal Excursion (Soviet Period). *Juridical Science and Practice*, 2020, vol. 16, no. 2, p. 56–66. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-2-56-66

История фактического воспитания несовершеннолетнего в советский период истории не носит макроисторического характера. К ней уже не раз обращались современные ученые. Однако исследование советских памятников семейно-правовой кодификации в части регулирования отношений по фактическому воспитанию часто ограничивается воспроизведением хронологических фактов их советской истории с опорой на формально-логический метод, являющийся чуть ли не единственным в таких исследованиях.

Подобный формат мало дает для понимания сути фактического воспитания за пределами обыденного знания о нем. Более того, он оказывается не способным служить весомым основанием для объективной оценки сущностных качеств отношений по фактическому воспитанию, лишая не самую наукоемкую и динамичную тематику научных перспектив с весьма небесспорным, с точки зрения современных авторов, современным законодательным исходом. Поэтому очередная попытка проникнуть в научные и законодательные источники этого исторического этапа не есть научная праздность. Авторы настоящей статьи не дублируют модели уже состоявшихся научно-исторических экскурсов с попыткой воспроизвести правовые события, относящиеся к конструкции фактического воспитания, в движении от одного советского кодекса к другому, а предпринимают попытку системного анализа конкретной исторической, социальной и научно-правовой реальности, в которой оформилось и существовало это нормативное явление.

Отсюда и характер изложения материала, подчиненный логико-историческому анализу тех причин и исторических условий, а также идеологических устремлений законодателя, которые позволили идентифицировать отношения по фактическому воспитанию с позиций науки семейного права и законодательства. Этот контекст позволяет увидеть, что отношения, заключенные в законодательной конструкции фактического воспитания, далеко не инвариантный вид отношений в их историческом развитии.

Новый этап семейно-правовой истории – советский – начался с политических лозунгов о «дефамиллизации», имеющих слишком мало общего с идеями семьи, семейной идентичности и семейного воспитания детей. Этот зигзаг российской истории, так называемый ее «острый угол», в своем движении вперед опирался на «революционную совесть и революционное правосознание», ограничения которых лежали в «революционной целесообразности» (В. М. Курицын, 1983). Подобное начало новой семейно-правовой истории выключило на целое десятилетие из государственной идеологии вопросы семьи, семейного устройства детей, отношений первого и последующего круга членов семьи. Как констатируют современные исследователи права, «ни одна часть дореволюционного права не рухнула при Советской власти столь стремительно, как подотрасль гражданского права, регулировавшая брачно-семейные отношения» [1. С. 13].

В этом одна из причин того, что устоять проектным нормам Гражданского Уложения, в содержание которых были включены правила о семейных воспитателях (ст. 475 проекта 1902 г.) с их «идеалистическим дурманом» (А. Г. Гойхбарг, 1924 г.), о семье, семейных отношениях и их видах не было никакой возможности.

Активизация нижних социальных слоев в прямом смысле разрушила идеалы дворянской культуры с ее семейными ценностями, привнеся в жизнь то положение, при котором «родственные чувства стали менее прочной связью, чем партийное товарищество». Ориентир не на семейное благосостояние, а на общую пользу, не интересовавшие марксистскую теорию за-

кономерности становления семейной и внутрисемейной идентичности, частью которой были отношения по фактическому воспитанию, частая смена кодифицированных актов в сфере семейно-правового регулирования (КЗАГС 1918 г.¹, КЗоБСО 1926 г.², КЗоБС 1969 г.³, а несколько раньше не ставший законом проект Гражданского уложения Российской империи) не способствовали этому.

В первые послереволюционные годы (до середины 1920-х гг.) вопросами разработки актов семейного законодательства занимался А. Г. Гойхбарг – член коллегии Народного комиссариата юстиции, заведующий отделом кодификации и законодательных предположений. Будучи сторонником социологического направления в праве, наиболее близкого по своим устоям марксистской теории права с ее лозунгами о том, что право не имеет своей истории, не воспринимая семейное право как некую единую и самостоятельную часть системы права, А. Г. Гойхбарг выделял в нем три самостоятельные области правового регулирования: брачное, семейное и опекуное право. Не видя в этих частях внутреннего единства, автор утверждал, что обратное «является, скорее, историческим пережитком» [2. С. 4–5].

На данном этапе истории опекуное право, так и не отделившееся до революции от права обычного, мыслилось идеальным и вершинным достижением Советской власти, способным прийти на смену семейному воспитанию. Ресурсы последнего с его личным и естественным элементами, привнесенными в дореволюционный проект Гражданского уложения его составителями, в новой пролетарской жизни отдавались опеке, которая должна была «в настоящее переходное время играть воспитательную, показательную роль, роль образцового учреждения. Она должна показать родителям, что общественный уход за детьми дает гораздо лучшие результаты, чем частный, индивидуальный, ненаучный и нерациональный уход отдельных “любящих”, но невежественных в деле воспитания родителей, не обладающих теми силами, средствами, способами и учреждениями, какими обладает общество...» [3. С. 136].

Идеи А. Г. Гойхбарга о социалистическом переустройстве семейных отношений, частью которых является «отлучение родителей от узкой и неразумной любви к детям», всецело поддерживала его ученица З. Р. Тоттенборн, признававшая полезными нормы первого Кодекса законов о браке, семье и опеке, устанавливавшие воспитательную обязанность в виде общественной повинности, предписывая каждому гражданину Российской Республики, назначенному Отделом Социального Обеспечения опекуном, принять опеку» [4. С. 64].

Гиперболизация опекуных идей, по мнению современных историков права, сыграла свою роль в становлении опекуных учреждений и правил о них, направленных на воспитание личности несовершеннолетнего с деятельным участием государства [5. С. 378]. Но у нее были и отрицательные стороны, как у любой гиперболизации. Одна из них в теоретическом оттеснении всего того, что касалось семейного воспитания ребенка и производных от него форм. Отсюда нормативные пределы темы семьи, как того требовало время, были ограничены правилами о внебрачных детях, декларированием гражданского брака и упрощением бракоразводного процесса с правом супругов на взаимные алиментные обязательства.

Утверждение в советском обществе в начале 1930-х гг. партийно-государственной системы обусловило отказ от социологических концепций. В правопонимание вошел юридический позитивизм, что обусловило более широкий охват правовым регулированием брачно-семейных отношений, получивших реализацию в новом Кодексе законов о браке, семье и опеке 1926 г. Этот кодекс, по утверждению П. И. Стучки, «дальше развивает принятые в первом кодексе положения» [6. С. 36–37]. Принятый на фоне ослабления противоборства утопического сознания о семье и семейных отношениях и здравого смысла, не отрицая идею

¹ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Принят на сессии ВЦИК 16 сентября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

² Принят Постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

³ Кодекс о браке и семье РСФСР. Утвержден ВС РСФСР 30.07.1969 // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397.

«взращивания активных строителей и борцов за социалистическое будущее», он действительно пошел дальше, имея одной из целей формирование нормативной базы по семейному устройству несовершеннолетних.

Ведущую же идею КоБСО 1926 г. историки права видят в идее внутрисемейного содержания, выраженной «в создании норм, которые регулировали взаимное содержание супругов и других родственников» [1]. Эта идея изначально была реализована в момент принятия Кодекса, найдя свое воплощение в ст. 42, субъектами которой были супруги, бабушки и дедушки. Чуть позже она была расширена за счет включения в Кодекс в 1928 г. новой нормы, устанавливающей алиментные обязанности лиц «второго круга» – отчима (мачехи) и фактического воспитателя (ст. 42.3).

История не принесла каких-либо явных свидетельств того, было ли такое решение продолжением пролетарской политики участия в делах социалистической семьи или это соответствовало «текущему политическому моменту», отражая одну из дозволенных идеологических догм социализма. Современные ученые объясняют идею принятия этой «алиментной» нормы «желанием государства возложить на семью того бремени социального содержания нуждающихся, которое само государство в этот момент не могло выполнить» [1. С. 23]. Нет оснований не соглашаться с этим взглядом, однако одно лишь простое согласие не позволяет получить ответ на вопрос о том, оглядывался ли законодатель на то, что норма юридически присваивала фактическим воспитателям семейный статус, причисляя их к другим членам семьи через законодательное распределение внутрисемейных ролей сначала первого круга (родители, дети, братья сестры, бабушки, дедушки), а после и второго (мачехи и отчимы, фактические воспитатели). Это законодательное решение прошло через все этапы семейно-правовой кодификации, включая последнюю, и вопрос о справедливости отнесения фактических воспитателей к числу других членов семьи, за редким исключением [7. С. 47–48; 8. С. 27], в литературе практически не обсуждался.

Нет никаких оснований считать, что появление в законодательстве 1928 г. в качестве правового понятия «фактические воспитатели», от которого принято вести отсчет законодательной истории фактического воспитания [3. С. 137], связано с ответом законодателя на запрос общества в определении норм и базовых ценностей семейного воспитания способом законодательного определения семейного круга. В этот исторический период перед законодателем стояли совсем другие задачи. Страна боролась с беспризорностью и заброшенностью детей, названных одним из авторов дополнений к КоБСО РСФСР 1926 г., членом коллегии наркомата юстиции Я. Н. Брандербургским «несчастьем, бичом, горем и позором для нашего современного строя» [9. С. 665–666].

Приступая в 1927 г. к разработке дополнений к нормам о внутрисемейном содержании «других членов семьи», Я. Н. Брандербургский замечал: «...жизнь оказалась много сильнее и не смогла уложиться и в новые нормы закона. Мы в 1926 г. сильно ограничили круг семьи. Идя навстречу жизни, мы сохранили право на алиментное содержание братьев и сестер, а также ввели право на алименты деду и бабке от своих внуков и наоборот. Достаточно ли этого? ...Мы не учли те случаи, когда лицо добровольно взяло к себе на воспитание постороннего ребенка, не усыновив его, однако, формально. Такие лица вправе отказать ребенку в попечении в любое время, так как закон их ни к чему не обязывает. Поэтому лицо, взявшее себе на постоянное содержание и иждивение детей, обязано платить им алименты, пока они остаются несовершеннолетними, нуждающимися и нетрудоспособными, если у них нет родителей или если они живы, но не имеют возможности содержать и воспитывать детей» [9. С. 666].

То, что в основе принятия этой нормы не лежали научно-практические рекомендации социологической науки, сегодня факт известный. В предреволюционные годы эта наука только проходила свое становление, ограничиваясь тематикой проблем разложения большой патриархальной семьи, а также фрагментарными фактами из области семейной жизни. В первое послереволюционное десятилетие, используя весьма ограниченный набор методов, социологическая наука изучала бюджеты рабочего времени рабочих семей, условия их жизни, вопро-

сы миграции и народонаселения [10; 11]. В середине 1930-х гг. социология была объявлена буржуазной лженаукой, не совместимой с марксизмом, вследствие чего социологическая мысль в науке фактически замерла. При этом наибольший удар пришелся по самой слабой ее отрасли – генеомии, той, что изучает вопросы семьи [12. С. 313].

Как следует из письменных источников, принадлежащих перу самих законодателей, ведущая цель принятия этих норм была «профилактической». Следовало «радикально изменить положение детей и в большой степени предотвратить беспризорность» [9. С. 666]. Одной из мер явилась законодательная идея связать лиц, принявших ребенка на семейное воспитание, бесповоротной обязанностью его содержания до совершеннолетия. В поддержку данной нормы выступила Н. А. Пергамент, чьи аргументы в их первой части обрели характер общеизвестной сентенции о том, что «наш закон не вменяет никому в обязанность воспитывать чужих детей» [13. С. 58]. Вторая часть аргументов цитируется гораздо реже, но именно она и отражает смысл и назначение данной нормы, заключенные в суждении о том, что «раз взятые на себя обязательства перед ребенком должны носить безотзывный характер» [13. С. 58].

На факт существования этой нормы указывают многие современные исследователи проблем фактического воспитания. В историю ее появления вникают не все, однако это не мешает считать ее содержание регулятивным правилом для отношений фактического воспитателя и воспитанника, какого в современном семейном праве, по мнению многих ученых, явно не достаёт.

Кроме того, что норма выступала одной из защитных мер для ребенка в условиях многочисленных случаев заброшенности детей не только фактическими воспитателями, но даже во многих случаях и родителями, судьбоносный след этой нормы заключается еще как минимум в трех моментах.

Во-первых, фактические воспитатели были признаны членами семьи, о чем свидетельствовало наименование главы, в которой были размещены нормы об алиментных обязанностях фактических воспитателей. Этот законодательный образ они пронесли через всю последующую историю кодификации семейного законодательства. На первых порах он принимался вполне естественно, ведь речь шла о семейном устройстве ребенка и как бы родительском воспитании. Случаев выражения доктринальных сомнений на этот счет в современной литературе не так много [7; 8]. Более частыми являются случаи прямого игнорирования того факта, что законодатель и тогда, начиная с 1928 г., и по сей день числит фактических воспитателей в числе членов семьи [14–17].

Во-вторых, правила ст. 42.3 КЗоБСО 1926 г. идентифицировали отношения по фактическому воспитанию в смысле их отделения от других видов семейного воспитания (естественно родительского, воспитания мачехи и отчима, отношений по усыновлению) ⁴.

В-третьих, произошло легальное сопряжение терминов «фактическое» и «воспитание», положившее начало законодательной, а позднее и теоретической конструкции фактического воспитания.

Было бы неверным умолчание о том, что законодатель впервые обратился к фактическим воспитанникам в нормативном поле лишь в 1928 г. С поправкой на не вполне таксируемую в дореволюционном законодательстве терминологию (крестьянские приемыши, купеческие воспитанники) нормы о неофициальных воспитанниках встречаются в Своде законов Российской империи и комментариях русских юристов к нему. Как указывает И. М. Тютрюмов, комментируя ст. 164 Свода законов о правах родителей, родители могут «в силу принадлежащей им родительской власти требовать возвращения к себе детей от всякого лица, удерживающего их у себя вопреки воле родителей». В числе «всяких лиц» автор указывает «посторонних лиц, предоставляемых лучшие условия для воспитания и образования чужого ребенка, недостижимые для родителей» [18. С. 220–221]. Аналогичное мнение со ссылкой на

⁴ Принят Постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

посторонних лиц, с которыми «сообразнее с выгодами дитяти быть оставленным у чужих лиц», с указанием на то, что «воспитатели заменяют родителей только в вопросах воспитания», выражал и проф. А. И. Загоровский [19. С. 277–278].

Немало идей о приемышах, в числе которых были также и непосредственные, т. е. неофициальные воспитанники, несли и проектные нормы Гражданского Уложения Российской империи. Согласно ст. 475 проекта, приемыши попадают в семьи не только в силу отсутствия родительного попечения, но и «с согласия родителей»⁵. В последующей советской истории это правило будет интерпретироваться в качестве одной из «мер по охране детства», претендующего на роль «института фактического воспитания детей в семье, когда фактические воспитатели добровольно и сознательно берут на постоянное воспитание и содержание детей, родителями которых они не являются» [20. С. 82].

Дальнейшая историческая судьба конструкции фактического воспитания была статичной. В доктринальное пространство вошли проблемы родительского воспитания, института усыновления, пережившего второе рождение и ставшего полностью идентифицированным, а также опеки и попечительства детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Легализация отношений по фактическому воспитанию на уровне алиментной обязанности воспитателей воспринималось в науке как явление временное. Однако этого не произошло. Когда в 1936 г. в КоБСО 1926 г. были введены нормы о патронате, правила об алиментировании фактических воспитанников остались неизменными. Постепенно наука начала проявлять теоретический интерес не к явлению фактического воспитания как таковому, а к той разновидности алиментных обязательств, которые касаются иных членов семьи. В 1951 г. А. И. Пергамент, исследуя юридическую конструкцию алиментных обязательств, обобщила причины возникновения отношений по фактическому воспитанию, указав в их числе 1) фактическое усыновление; 2) фактическое отцовство внебрачного ребенка, которое не могло быть узаконено ввиду запрета добровольного признания отцовства и судебного его установления; 3) принятие ребенка на постоянное воспитание и иждивение родственником, свойственником, другом семьи или посторонним лицом [13. С. 55]. Теоретический посыл автора о том, что алиментные обязательства «помимо конкретной цели – обеспечения алиментируемого лица, преследуют более широкую задачу – укрепление семьи» [21. С. 4], полностью соответствовал законодательной идее о причислении фактических воспитателей к членам семьи.

На момент принятия КоБСа РСФСР 1969 г. проблема беспризорности в стране была решена, но «профилактическое» правило о том, что фактические воспитатели в случае отказа от воспитания ребенка несут бесповоротную обязанность по его алиментированию, с ее предупредительно обязывающей тональностью, была сохранена (ст. 85 КоБС РСФСР 1969 г.).

Переосмысливая это законодательное наследие с позиций сегодняшнего дня, вполне реально отыскать объяснение факту сохранения нормы ст. 85 КоБС РСФСР в структуре нового кодекса. Оно в отсутствии на момент принятия Кодекса категориального поля, определяющего сущностное и содержательное понятие семьи и ее членов. Сохраняя эту норму, законодатель, ориентировался на известные ему русские традиции семейного уклада с его патриархальной моделью. Этот тип семьи начал меняться на тип «советской семьи» с так называемой двойной занятостью женщины в 1980-е гг. Родоначальником реализации идей советского типа семьи считается А. Г. Харчев [22. С. 34].

Доля так называемого сводного родительства, не связанного с воспитываемыми детьми биологическими и юридическими узам и реализующего по отношению к ним фактические

⁵ Как указывали составители проекта в объяснениях Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения от 1902 г., причины возникновения приемных отношений могут быть разными: «...один оставляет у себя подкинутого ребенка, другой из сострадания берет на свое попечение брошенного ребенка или сироту, третий по каким-либо причинам принимает к себе чужого ребенка, привязывается к нему и воспитывает как своего, иногда в качестве приемыша воспитывается внебрачное дитя, который, однако, не обнаруживает истинного происхождения дитяти». См.: Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. С объяснениями. СПб.: Городская тип., 1902. С. 36.

воспитательные функции, в стране росла [23. С. 48]. Но в этот период истории в стране не существовало политики права, как научно обоснованной, систематической деятельности государственных органов, направленной на выработку эффективных мер правового регулирования во всех сферах жизнедеятельности, которые были бы адекватны запросам реальной жизни.

Научную попытку учесть эти запросы проявил киевский проф. Г. К. Матвеев, указав на то, что функционал фактического воспитания претерпел существенные видоизменения по причине того, что этот институт на практике применялся к лицам, которые фактически были родителями внебрачных детей, а потому обязанность уплачивать алименты несовершеннолетним воспитанникам выглядит не иначе, как «наказание за добродетель», поскольку человек совершенно добровольно принимает чужого ребенка на воспитание и содержание и за это «награждается» алиментной обязанностью [24. С. 101]. Ученый и дальше выступал практически единственным оппонентом законодателя, обращая внимание на то, что «правильнее было бы институт фактического воспитания чужих детей (если это воспитание не оформлено путем усыновления либо патронажа) ликвидировать как ненужный» [25. С. 20–22].

Многочисленные случаи цитирования этого автора в современной литературе при обращении к советской законодательной истории советского фактического воспитания обычно ограничены одной целью – продемонстрировать единственный в истории факт доктринального несогласия на «пути» современных утверждений о необходимости позитивного законодательного урегулирования отношений между фактическим воспитателем и воспитанником сегодня.

Между тем в правила об алиментировании фактических воспитателей и воспитанников в 1969 г. были привнесены и новые акценты – стимулирующие. Кодекс принимался на фоне утвердившейся в шестидесятые годы этико-гуманистической линии семейного воспитания, формированию которой способствовали труды В. А. Сухомлинского. Не без его влияния в тексте кодекса появилась еще одна норма о фактических воспитателях и воспитанниках, зафиксированная в ст. 86 КоБС РСФСР. Норма предусматривала для фактических воспитателей стимул за выполнение ими бескорыстных и добровольных действий по воспитанию и содержанию фактических воспитанников в виде возникновения в будущем права на свое алиментное содержание.

Принятие этой нормы возбудило предметный теоретический интерес к отношениям по фактическому воспитанию, который стал более активным в 1980-е гг., когда доктринальному анализу стали подвергаться отношения с участием «других членов семьи» с видением их не только сквозь призму алиментных обязательств [26. С. 134]. Это было то время, когда заметно «повзрослевшая» социология советской семьи активно стремилась заполнить пустоты прошлых лет. В юриспруденции появилось определение советской семьи как «круга лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей в семью на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений на принципах социалистической морали» [27. С. 45].

Появление нового правила об алиментировании фактических воспитанников и фактических воспитателей актуализировало научный интерес к этим вопросам [28] с выдвиганием мнений о «необходимости определить в законе принципиальные моменты этих отношений» [19; 20; 26; 29]. Не привлекая внимания законодателя, эти идеи постепенно доросли до категоризации отношений по фактическому воспитанию с разделением их на «договорное» фактическое воспитание; административное; семейную форму фактического воспитания; усыновительскую форму фактического воспитания; временную форму; предварительную форму [30. С. 105–108]. На вычленение этих форм оказывали влияние разные аргументы, как-то: существование такой формы семейного устройства детей, как патронат; юридическая определенность момента возникновения и прекращения опекуновских отношений, их государственная подконтрольность; не безвозмездный характер; наличие так называемых ситуаций фактического усыновления. Никаких последующих доктринальных и законодательных

реализаций эти формы фактического воспитания не получили. Однако проведенная категоризация обнаружила отсутствие единства, казалось бы, в однонаправленных суждениях о необходимости придать отношениям между фактическим воспитателем и воспитанником юридический характер. Одни авторы считали достаточным получить разъяснение ст. 85 КоБС РСФСР со стороны правоприменителя [31. С. 73], другие предлагали приблизить эти отношения к опеке и попечительству [32. С. 231], третьи считали возможным разделить права разных категорий фактических воспитателей из-за разности их как бы родительской роли, что было бы возможно через принятие Положения о фактическом воспитании [30. С. 110–111].

С принятием Семейного кодекса РФ в 1996 г. правила об обязанности фактического воспитателя выплачивать алименты фактическому воспитаннику в случае отказа от воспитания не были взяты в его текст. А ст. 86 КоБС РСФСР обрела аналог в новом семейном законодательстве в виде правил об односторонней алиментной обязанности фактического воспитанника (ст. 96 СК РФ). Одно из условий – надлежащее выполнение обязанностей по фактическому воспитанию.

Анализ норм трех кодексов, регулирующих алиментные обязанности фактических воспитателей и фактических воспитанников, позволил Н. Н. Тарусиной сделать обобщающий вывод о том, что «КоБСО 1926 г. ориентировался на долг взрослого перед ребенком, КоБС 1969 г. – на взаимные права и обязанности воспитателя и воспитанника, СК РФ – на обязанность воспитанника “заплатить долг воспитателю”» [33. С. 54].

С весьма незначительными поправками на время и явное увеличение оснований для возникновения отношений по фактическому воспитанию подобные взгляды получили продолжение в современных дискуссиях, вот уже два десятилетия ничего не изменяющих и не добавляющих в эту теоретическую конструкцию. Весьма немногочисленные противники этой нормы, закрепляющей «довольно устойчивый институт, находящийся в определенном противоречии с духом современного семейного права» [34], не колеблют того множества доктринальных взглядов, смысловая направленность которых едина – фактическому воспитанию для решения его проблем необходимо право. Так это, или все же проблема может и должна актуализироваться за счет иных методологических оснований – тема отдельной научной статьи.

Главный же теоретический итог настоящей статьи в том, что фактическое воспитание зародилось, развивалось как социальное и правовое явление во всех его многообразных проявлениях и исторических смещениях с другими явлениями (приймаки, приемыши, фактически усыновленные) как явление, тесно связанное с семейным воспитанием, чаще его продолжение. В этом состоит один из значимых методологических ориентиров для современных исследований по фактическому воспитанию ребенка, которые нередко выстраиваются в «тоне и фоне» исследований о детях-сиротах или детях, лишенных родительского попечения, вопреки его семейно-правовой природе.

Список литературы

1. **Полянский П. Л.** Формирование семейного права как отрасли в России: постановка проблемы // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. 2010. № 2. С. 3–33.
2. **Гойхбарг А. Г.** Брачное, семейное и опекуновское право Советской республики. М., 1920. 164 с.
3. **Антонова Л. И.** Революционная кодификация законодательства РСФСР 1920–1930-е гг. // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 136–155.
4. **Тоттенборн З.** Задачи опекуновских учреждений по новому праву // Пролетарская революция и право. 1919. № 2-4. С. 64–73.
5. Кризис права: история и современность: Монография / Под общ. ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, М. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. 514 с.

6. **Стучка П. И.** Курс советского гражданского права: Учеб. пособие для вузов и комвузов. I: Введение в теорию гражданского права. Изд-во Коммунистической академии, 1927. С. 36–37.
7. **Мананкова Р. П.** Правовой статус членов семьи по советскому законодательству. Томск, 1991. 228 с.
8. **Тарусина Н. Н.** Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 4 (161). С. 21–33.
9. **Бранденбургский Я. Н.** Жизнь предъявляет свои требования // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 23. С. 664–667.
10. **Адольф В. А. и др.** Семья и брак в прошлом и настоящем. 2-е изд. М.: Современные проблемы, 1927. 166 с.
11. **Лившиц Я. С.** Брак и семья. Харьков: Научная мысль, 1927. 30 с.
12. **Бурова С. Н.** Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии. Минск: Право и экономика, 2010. 444 с. (Гуманитарные науки)
13. **Пергамент А. И.** Алиментные обязательства по советскому праву. М.: Госюриздат, 1951. 167 с.
14. **Королев Ю. А.** Комментарий к семейному кодексу (пост.). Юстицинформ, 2003 // Консультант Плюс.
15. **Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Байгушева Ю. В.** Гражданское право: Учебник. ТК «Велби», 2010. Т. 3, ч. 2, раздел IV: Семейное право // Консультант Плюс.
16. **Матвеев П. А.** Особенности правового регулирования воспитательной деятельности в замещающей семье // Молодой ученый. 2010. № 6. С. 242–247.
17. **Алферова О. С.** Правовое положение фактических воспитателей // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции о правах ребенка: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Статут, 2011. С. 315–318.
18. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / Сост. И. М. Тютрюмов. М.: Статут, 2004. Кн. 1. 348 с. (Классика российской цивилистики)
19. **Загоровский А. И.** Курс семейного права. М., 1909. 574 с.
20. **Короткова Л. П.** Правовой статус фактических воспитателей // Правоведение. 1983. № 3. С. 82–85.
21. **Пергамент А. И.** Алиментные обязательства по советскому праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. 16 с.
22. **Антонов А. И., Сорокин С. А.** Судьба семьи в России XXI века: размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.: Грааль, 2000. 416 с.
23. **Юркевич Н. Г.** Советская семья. Функции и условия стабильности. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1970. 208 с.
24. **Матвеев Г. К.** Об институте фактического воспитания чужих детей // Правовые вопросы семьи и воспитания детей. М.: Юрид. лит., 1968. С. 97–101.
25. **Матвеев Г. К.** Советское семейное право: Учебник. М., 1985. 208 с.
26. **Мананкова Р. П.** Правовые проблемы членства в семье. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 144 с.
27. **Рясенцев В. А.** Семейное право. М.: Юрид. лит., 1971. 296 с.
28. **Паластина С. Я.** Основание возникновения алиментной обязанности фактического воспитателя // Правоведение. 1974. № 4. С. 75–83.
29. **Казанцева А. Е.** Обязанности и права родителей (лиц их заменяющих) по воспитанию детей и ответственность за их нарушение. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 144 с.
30. **Воронина З. И.** Правовые формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. 234 с.

31. **Цыбуленко З. И.** Спорные вопросы применения ст. 85 КоБС РСФСР // Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье в правоприменительной практике. Саратов, 1978. С. 70–76.
32. **Ворожейкин Е. М.** Семейные правоотношения // Советское семейное право. М., 1974. 231 с.
33. **Тарусина Н. Н.** Очерки теории российского семейного права. Ярославль, 1999.
34. **Тарусина Н. Н.** Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex Russica. 2019. № 5.

References

1. **Polyansky P. L.** The formation of family law as an industry in Russia: statement of the problem. *Vestnik of Moscow University. Series: Law*, 2010, vol. 11, no. 2, p. 3–33. (in Russ.)
2. **Gojhbarg A. G.** Marriage, family and guardian law of the Soviet Republic. Moscow, 1920, 164 p. (in Russ.)
3. **Antonova L. I.** The revolutionary codification of the legislation of the RSFSR 1920–1930s. *Management Consulting*, 2008, no. 4, p. 136–155. (in Russ.)
4. **Tottenborn Z.** The tasks of guardianship institutions under the new law. *Proletarian revolution and law*, 1919, no. 2-4, p. 64–73. (in Russ.)
5. **Denisenko V. V., Belyaeva M. A., Tonkova M. N.** (eds.). The crisis of law: history and modernity. Monograph. St. Petersburg, Aleteiya, 2018, 514 p. (in Russ.)
6. **Stuchka P. I.** The course of Soviet civil law: a textbook for universities and higher educational institutions. I: Introduction to the theory of civil law. Publishing House of the Communist Academy, 1927, p. 36–37. (in Russ.)
7. **Manankova R. P.** The legal status of family members under Soviet law. Tomsk, TSU Press, 1991, 228 p. (in Russ.)
8. **Tarusina N. N.** Family as a general legal construction. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 4 (161), p. 21–33. (in Russ.)
9. **Brandenburgsky Ya. N.** Life makes its demands. *Weekly Soviet Justice*, 1928, no. 23, p. 664–667. (in Russ.)
10. **Adolf V. A. et al.** Family and marriage in the past and present. 2nd ed. Moscow, Modern problems, 1927, 166 p. (in Russ.)
11. **Livshic Ya. S.** Marriage and family. Kharkov, Scientific Thought, 1927. (in Russ.)
12. **Burova S. N.** Sociology of marriage and family: history, theoretical foundations, personalities. Minsk, Law and Economics, 2010, 444 p. (in Russ.)
13. **Pergament A. I.** Alimony obligations under Soviet law. Moscow, Gosyurizdat, 1951, 167 p. (in Russ.)
14. **Korolev Yu. A.** Commentary on the Family Code (post). Justicinform, 2003. Electronic Resource Consultant Plus. (in Russ.)
15. **Abramova E. N., Averchenko N. N., Bajgusheva Yu. V.** Civil law. Textbook. TC “Velby”, 2010, vol. 3, pt. 2, section IV: Family Law. Electronic Resource Consultant Plus. (in Russ.)
16. **Matveev P. A.** Features of the legal regulation of educational activities in a foster family. *Young scientist*, 2010, no. 6, p. 242–247. (in Russ.)
17. **Alferova O. S.** The legal status of actual educators. In: Family law at the turn of the 20th – 21st centuries: on the 20th anniversary of the Convention on the Rights of the Child. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, Statute, 2011, p. 315–318. (in Russ.)
18. Civil laws with explanations of the Governing Senate and comments of Russian lawyers. Compiled by I. M. Tyutryumov. Moscow, Statute, 2004, book 1, 348 p. (in Russ.)
19. **Zagorovsky A. I.** Family law course. Moscow, 1909, 574 p. (in Russ.)
20. **Korotkova L. P.** The legal status of actual educators. *Jurisprudence*, 1983, no. 3, p. 82–85. (in Russ.)

21. **Pergament A. I.** Alimony Obligations under Soviet Law. Abstract of PhD Dis. Moscow, 1951, 16 p. (in Russ.)
22. **Antonov A. I., Sorokin S. A.** The fate of the family in Russia of the 21st century: reflections on family policy, on the possibility of counteracting family decline and depopulation. Moscow, Graal, 2000, 416 p. (in Russ.)
23. **Yurkevich N. G.** Soviet family. Functions and conditions of stability. Minsk, Publishing House of BSU, 1970, 208 p. (in Russ.)
24. **Matveev G. K.** About the Institute of the actual upbringing of foreign children. In: Legal issues of the family and parenting. Moscow, Jurid. lit., 1968, p. 97–101. (in Russ.)
25. **Matveev G. K.** Soviet family law. Textbook. Moscow, 1985, 208 p. (in Russ.)
26. **Manankova R. P.** Legal issues of family membership. Tomsk, Tomsk Uni. Press, 1985, 144 p. (in Russ.)
27. **Ryasentsev V. A.** Family law. Moscow, Jurid. lit., 1971, 296 p. (in Russ.)
28. **Palastina S. Ya.** The basis for the occurrence of maintenance duties of the actual educator. *Jurisprudence*, 1974, no 4, p.75–83. (in Russ.)
29. **Kazantseva A. E.** Duties and rights of parents (persons replacing them) in raising children and responsibility for their violation. Tomsk, Tomsk Uni. Press, 1984, 144 p. (in Russ.)
30. **Voronina Z. I.** Legal forms of raising children without parental care. PhD Dis. St. Petersburg, 1993, 234 p. (in Russ.)
31. **Tsybulenko Z. I.** Controversial issues of the application of Art. 85 CoMF of the RSFSR. In: Fundamentals of Legislation of the USSR and Union Republics on Marriage and Family in Law Enforcement Practice. Saratov, 1978, p. 70–76. (in Russ.)
32. **Vorozhejkin E. M.** Family relationship. In: Soviet Family Law. Moscow, 1974, 231 p. (in Russ.)
33. **Tarusina N. N.** Essays on the theory of Russian family law. Yaroslavl, 1999. (in Russ.)
34. **Tarusina N. N.** Judicial practice in family matters: discretionary issues on the verge of law-making. *Lex Russica*, 2019, no. 5. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
25.03.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Комиссарова Елена Генриховна, доктор юридических наук, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия), профессор кафедры гражданского права, Пермский национальный исследовательский университет (Пермь, Россия)

Elena G. Komissarova, Doctor of Jurisprudence, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation), Professor of civil law Department, Perm National Research University (Perm, Russian Federation)

eg-komissarova@yandex.ru

Горина Наталия Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Nataliya V. Gorina, PhD in Law, Associate professor, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation)

natalia@meenga.ru